СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

А. Никитина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.
1818.

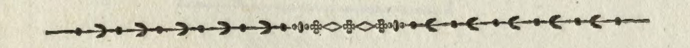
СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ

въ СТИХАХЪ и ПРОЗѢ

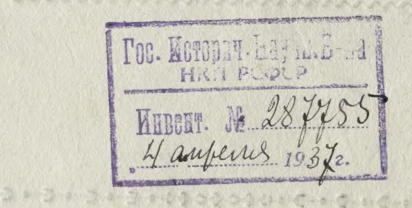
А. НИКИТИНА.

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ сверкающій въ долинѣ,
Надъ речкой соловей, три Граціи въ картинѣ:
Вотъ все его добро.... и счастливъ! онъ Поэтъ.

Дмитріевъ.

С. Петербургъ.
1818.

МОЕМУ

КРОТКОМУ АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ,

МИЛОЙ И ДОБРОЙ

СУПРУГѢ.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

Какъ часто намъ твердятъ, друзья мои
любезны,
Чтобъ мы не слушали разсказовъ отъ старухъ;
Но признаюсь, они подчасъ не безполезны:
И это не стыжусь сказать вамъ даже въ
слухъ.
Вотъ мамушка моя, небесное ей царство!
Большой разумницей въ семьѣ своей слыла;
На всякую болѣзнь найдешь у ней лѣкарство,
И вмѣсто лѣкаря у насъ въ селѣ была.
Она всѣ вѣдала житейскія проказы:
Сны знала толковать, морочить и гадать.---
Бывало пустится покойница въ разсказы,
Какихъ въ Исторіи напрасно вамъ искать.
Она про старину по пальцамъ перескажетъ:
Про всѣхъ богатырей, удалыхъ молодцовъ;

Гдѣ жилъ былъ Еруслан—навѣрное докажетъ;
Когда Горыня вождь ходилъ на мертвецовъ;
Какъ вѣдьмы Брянскія надъ смертными играли,
Въ дубовыхъ засѣкахъ свистали по ночамъ,
Въ чугунныхъ ступищахъ по свѣту разъѣзжали,
Сбирались кушать медъ ко Муромскимъ ягамъ.
Пестъ ступу погонялъ, а помело ужасно
Вмигъ замѣтало ихъ широкіе слѣды;
Но заставала ли погодушка ненастна, —
Тутъ коврикъ самолетъ спасалъ отъ сей бѣды.
Построенна въ глуши изба на курьихъ ножкахъ
И къ лѣсу темному стоявшая задомъ,
Гдѣ кости путниковъ хранилися въ лукошкахъ,
Обертывалась къ нимъ по знаку передомъ..
И словомъ тайны всѣ волшебнаго искуства
Старушка вѣдала, друзья, на перечотъ.
Ахъ! вспомнить не могу безъ сладостнаго чувства,
Когда всѣмъ чернымъ днямъ мнѣ объясняла счотъ.

То правду сущую покойница твердила,
Что злой какой-то духъ насъ часто тормошитъ,
И слово лишь одно: „*чуръ насъ! чуръ, вражья сила!*“
Отъ нападенія нечистыхъ защититъ.
Но вотъ, друзья, бѣда, что мы забывшись сами,
Не вспомнимъ иногда сей вѣрный талисманъ.
Послушайтежъ меня: когда случится съ вами
Попасть, избави Богъ! несчастія въ капканъ;
То не забудьте вы старушки наставленье,
И слово: *чуръ меня!* припомните подчасъ;
Оно доставитъ вамъ отъ бѣдствія спасенье
И отъ отчаянья избавитъ, други, васъ. —
О! вѣрю мамушка благимъ твоимъ наукамъ,
Когда по вечерамъ—при свѣтѣ ночника,
Учила ты меня житейскимъ разнымъ штукамъ
И просвѣщала умъ питомца простака.
Бывало говоришь: „О дитятко любезно!
О ненаглядное ты солнушко мое!

Остерегись забыть ученіе полезно,
Оно тебѣ покровъ, въ немъ счастіе твое.
Находитъ, дитятко, на насъ такое время,
Что только ни начнешь, все не пойдетъ намъ въ прокъ.
Но слово: *гуръ!* одно отводитъ зла беремя.
Ахъ! мама, виноватъ, я твой забылъ урокъ.

Быть можетъ вы, друзья, смѣетесь надо мною
И вѣрно скажете, что мамамъ сродно лгать;
Когдажъ узнаете вы горе надъ собою,
Тогда не будете словъ мамы презирать.
Вотъ вамъ одинъ примѣръ, со мною онъ случился:
Вчера пришелъ ко мнѣ знакомый и сказалъ:
„Отсюда твой должникъ уѣхать торопился,
„Я видѣлъ, какъ на дворъ извощикъ прискакалъ;
„Спѣши, чтобы твоя надежда не пропала."
Представьте же мой страхъ! безъ денегъ, безъ друзей,
Судьба погибелью бѣднягѣ угрожала.

Знакомый, пожалѣвъ объ участи моей,
Пошелъ изъ горницы; я началъ снаряжаться
И только надѣвать сталъ на ногу сапогъ,
Какъ вдругъ ему на грѣхъ случилось разорваться;
Другихъ я не имѣлъ и---эти сшиты въ долгъ!
Чтожъ дѣлать бѣдняку? а время улетаетъ:
Послалъ къ сапожнику скорѣе починить.
Проходитъ часъ, другой --- и полдень наступаетъ,
Сапогъ мой неготовъ, мнѣ не въ чемъ и ступить.
Сапожникъ между тѣмъ, починку взявъ съ собою,
Въ народной клубъ зашелъ, чтобъ за одинъ походъ
Тамъ нектару схватить, — но чтожъ? невзначь рукою
Проклятой далъ толчекъ подьячему, — а тотъ,
Связавъ сапожника, въ Полицію отправилъ ---
И бѣдной мой сапогъ тудажъ въ сибирку съ нимъ.
Тутъ дѣлать нѣчего, стыдъ въ сторонѣ оставилъ:

Къ сосѣду приступилъ и способомъ такимъ
Досталъ я сапоги, и къ должнику пустился.
Чуть вышелъ изъ воротъ, какъ встрѣтился землякъ,
Я съ нимъ неволею, друзья, остановился.
Тутъ новая бѣда---причиною табакъ:
Желавъ поподчивать пріятеля симъ зельемъ,
Съ поспѣшностью свою я табакерку вскрылъ;
Но увлекаяся свиданія весельемъ,
Къ несчастію совсѣмъ объ ней и позабылъ.
Чтожъ сдѣлалось? Увы, злой рокъ играетъ нами!
Въ жару каляканья невзначь махнулъ рукой
И заслѣпилъ глаза знакомцу порошками.
Тотъ ахнулъ, закричалъ, а я поступокъ свой
Исправить поспѣшилъ, вдругъ кинулся на шею —
Ну обнимать его; - но ахъ! опять бѣда:
Неосторожный шагъ—и чтожъ? ногой своею
Страдальцу на мозоль я наступилъ тогда.
Бѣднякъ вскричалъ сильнѣй, все потерявъ терпѣнье,
А я въ безпамятствѣ совсѣмъ остолбенѣлъ.

Но скоро боль прошла, очистилося зрѣнье,
Землякъ простилъ меня и я повеселѣлъ.
Межь тѣмъ припомните, что время улетаетъ,
Коломна далека — гдѣ жилъ мой дебиторъ;
Пустой же кошелекъ меня подъ бокъ тол-
каетъ
И я съ пріятелемъ сей сдѣлалъ уговоръ:
Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ идти въ Коломну за
долгами,
Оттуда же завесть меня рѣшился онъ
Къ знакомцу своему, который за дѣлами
Пріѣхалъ въ Петербургъ, его зовутъ Честонъ.
Уже въ Коломнѣ мы, ужь къ должнику при-
ходимъ;
Но бѣдствіе, друзья! идетъ во слѣдъ за мной:
Квартира отперта—и въ ней—когожъ нахо-
димъ?
Въ унынье вверженный заимодавцевъ строй.
Вздохнулъ—сгрустилось мнѣ—къ *Николѣ* по-
тащился,
Гдѣ жилъ пріѣзжій другъ знакомца моего.
Приходимъ, пожилой хозяинъ къ намъ явился,
Ввелъ насъ въ гостиную, сестра жены его,

Сидя за пяльцами косынку вышивала;
Привставъ, намъ сдѣлала привѣтливый поклонъ;
Хозяйка же еще свой туалетъ справляла,
Хоть часъ за полдень былъ; но здѣсь у всѣхъ бонъ-тонъ.
Чрезъ нѣсколько минутъ уборная открылась,
Младая, милая вошла хозяйка къ намъ ---
Какъ бы четвертая въ міръ Грація явилась;
Поэты приплелибъ ее къ своимъ стихамъ:
Одежда бѣлая съ узорчатой коймою
Красавицы младой вкругъ обвивала станъ;
Мы встали съ мѣстъ своихъ, Честонъ занялся мною;
Подвелъ меня къ женѣ, а я? — о истуканъ! ---
Къ рукѣ прелестныя подшелъ неосторожно
И что случилося—стыжусь друзья сказать!
Но такъ и быть, скажу! — вѣдь отъ друзей безбожно
И счастье и бѣды житейскія скрывать. —
Такъ слушайтежъ: спѣша къ рукѣ хозяйки милой,
На платье сталъ ногой—и всю койму сорвалъ.

⁂

Представьте вы мой стыдъ, хозяйки видъ унылой,
Я растерялся весь—какъ вкопаной стоялъ.
Землякъ мой на меня поглядывалъ сурово,
Плечами пожималъ, кивая головой;
Хозяйка вышла вонъ, не говоря ни слова;
Честонъ же относилъ къ судьбѣ случай такой,
Стараяся меня утѣшить въ семъ несчастьѣ.
Но вотъ вошла его супруга къ намъ опять,
Вновь начатъ разговоръ— и я въ немъ взялъ участье;
Межъ тѣмъ приказано намъ кофею подать,
И кофе принесли, — прелестная садится
На розовой диванъ за круглой модной столъ.
Я съ нею рядомъ сѣлъ—вѣдъ надобножъ случиться:
Тутъ разговоръ смѣшной о чудакахъ зашелъ;
И я совсѣмъ забылъ что кофе предъ губами,
Приставилъ къ чашкѣ ротъ — и такъ захохоталъ,
Что окропилъ всѣхъ дамъ кофейными струями

—•∞•—

И съ чашкою едва на землю не упалъ.
Семейство милое---воспитано прекрасно,
Старалось всѣ мои проступки извинить;
Но ахъ! не кончился еще сей день несчастной,
Судьбѣ хотѣлося побольше пошутить.
Землякъ мой, думая подать мнѣ утѣшенье,
Просилъ хозяюшку съ сестрой сѣсть за клавиръ; —
Для милыхъ лишнее не нужно убѣжденье.
Уже раздался звукъ подъ перстами Плѣниръ,
Хозяинъ между тѣмъ подсѣлъ къ своей супругѣ,
А я позадь его на стулъ облокотясь,
Воображалъ себя Олимпа въ свѣтломъ кругѣ,
Игрой волшебною небесныхъ Нимфъ плѣнясь.
Но вотъ гармонія утихнула мгновенно,
Всѣ встали, а Честонъ-- явился безъ волосъ.
Онъ внѣ себя стоялъ, встревожась совершенно;
Но я въ безпамятствѣ держался чуть отъ слёзъ.
Въ недоумѣніи домашни суетятся,

Страшась, чтобъ не вскричалъ разсерженный
старикъ:
Тамъ слуги робкіе туда сюда толпятся,
Чтожъ ищутъ, знаетель, друзья мои? --- парикъ.
Припомните, какъ я на стулъ облокотился,
То придавилъ парикъ нечаянно рукой.
Межъ тѣмъ нашли его, хозяинъ нарядился
И гнѣвъ его простылъ, онъ сдѣлался иной.
Мнѣ было совѣстно у нихъ остаться долѣ,
Итакъ я шляпу взялъ, идти собрался вонъ.
Простясь съ хозяиномъ, съ хозяйкой по неволѣ,
Прелестной дѣвушкѣ отвѣсилъ я поклонъ;
Но уходя отъ ней, тутъ шляпой ненарочно
Подсвѣчникъ бронзовой на пяльцы уронилъ. —
Такъ, въ жизни сей, друзья, ничто для насъ
непрочно,
Я трудъ двухъ-мѣсячной въ мгновенье истребилъ: —
Подсвѣчникъ застучалъ, Честонъ пожалъ
плечами,
Хозяйка вскрикнула, землякъ мой обомлѣлъ; —

Красавица въ слезахъ стояла передъ нами;
Но я, какъ безъ ума, мгновенно полетѣлъ!
Оставилъ всю семью Честона въ изумленьѣ,
Безъ шляпы, безъ плаща бѣжалъ стремглавъ
домой,
Бѣжалъ какъ нѣкое ужасное явленье,
Преслѣдуемъ вездѣ народною толпой.
Такимъ-то образомъ, уставъ отъ сей про-
гулки,
Растрепанный, въ поту, замаранный кругомъ,
Коё-какъ добѣжалъ я до своей канурки
И, бросившись въ постель, заснулъ прекрѣп-
кимъ сномъ.

Чтожъ послѣ этаго, какой отвѣтъ да-
дите?
Не правы-ль мамушки, что есть несчастны
дни;
Или оспоривать вы это захотите
И скажете, что то лишь выдумки одни?
Когда-бъ я не забылъ припомнить *туръ* извѣ-
стной,
То вѣрно-бъ такъ злой духъ надъ мною не
шутилъ;
Но не крушитесь вы объ участи чудесной,
Не плачьте обо мнѣ, друзья! — я — пошутилъ.

О СТРАСТИ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

Охота къ Стихотворству нынѣ столь обыкновенна, что превратилась въ страсть почти всеобщую. Правила простаго стихосложенія такъ легки и кратки, что нѣтъ почти ни одного молодаго человѣка въ столицѣ, который бы отъ лѣни ни захотѣлъ заняться симъ упражненіемъ и котораго честолюбіе не увлекало бы къ пріобрѣтенію въ короткое время великихъ Парнасскихъ помѣстей. — Театръ и женщины производятъ болѣе Поэтовъ, нежели самыя Музы; но какъ ни театръ, ни прекрасный полъ не въ состояніи произвесть Генія, то истинные поэты, передающіе имена свои потомству, суть тѣ, которымъ была—Природа наставникомъ и образцомъ.

Критика никогда еще не была столь разпространена, какъ нынѣ. Въ нашемъ вѣкѣ

весьма обыкновенно видѣть дѣтей разсуждающихъ, и разсуждающихъ не глупо. Почтеніе воздается нынѣ юношеству, между тѣмъ какъ прежде принадлежало оно людямъ совершеннаго возраста. Можетъ быть это погрѣшность, но надобно признаться, что она часто бываетъ погрѣшностію счастливою. Мы начинаемъ разсуждать нѣсколькими годами ранѣе нашихъ предковъ. Скоро вступая въ свѣтъ — нынѣ ничему не удивляемся. Благородная смѣлость, пріобрѣтаемая нами посредствомъ опыта и упражненія, раждаетъ въ насъ новыя мысли, помогая развитію прежнихъ. Робость, бывшая прежде удѣломъ нашимъ лѣтъ до 25, препятствовала безсомнѣнія усилію разума и той игрѣ воображенія, которая заставляетъ изобрѣтать, а чрезъ что и нравится.

Признаемся по крайней мѣрѣ, что рано позволенная намъ свобода мыслить и говорить смѣло, можетъ легко способствовать умноженію хорошихъ критиковъ; но она также должна распространить до чрезвычайности и обильный списокъ дурныхъ стихотворцевъ. Всѣ молодые люди съ пылкимъ

воображенiемъ, слышатъ внутри собственнаго сердца нѣкiй обольстительный голосъ: „Вы имѣете довольно смѣлости изыски-„вать ошибки въ великомъ Ломоносовѣ, и „довольно вкуса находить ихъ и выста-„влять на показъ свѣту. — Прiятность, „согласiе и очаровательная прелесть сти-„ховъ Дмитрiева, не препятствуетъ замѣ-„тить небольшое число выраженiй сла-„быхъ и прозаическихъ, которыя отъ него, „такъ сказать, ускользнули. Вы разсматри-„ваете съ великою разборчивостiю самыхъ „судей изящнаго вкуса, и не смѣете всту-„пить на поприще, котораго всѣ цвѣты и „всѣ тернiя вамъ извѣстны?“ Такое внутреннее сужденiе самолюбiя ихъ возбуждаетъ, очаровываетъ, и ежели по случаю услышатъ они Карамзина или Дмитрiева, читающихъ стихи свои, ежели по счастiю тонко замѣтятъ они ихъ различныя прелести, и кстати возхитятся силою и красотою, въ творенiяхъ ихъ разсыпанными; то вдругъ обширныя предприятiя наполняютъ ихъ головы. Парнассъ представляется имъ во всемъ величiи своемъ, и они видятъ токмо лавры его и безсмертный источникъ. —

Въ тотъ же самый день испытываютъ способность свою въ сочиненіи небольшаго Мадригала, и отъ усилія къ усилію, чрезъ три недѣли изготовляютъ двенадцать трагическихъ явленій. Одинъ взглядъ молодой дѣвицы, брошенный невзначай или съ намѣреніемъ на сихъ новичковъ Парнасса, достаточенъ устремить ихъ на то поприще, на которое Природа никогда бы ихъ не назначила. Одинъ взглядъ сей превращаетъ мгновенно безпорядокъ чувствъ ихъ въ сильный энтузіазмъ. Аполлонъ и любовь дѣлаются для нихъ одинаковыми Божествами. Уже я вижу ихъ заблудшимися по собственной волѣ, пристрастившимися по заказу и водружающими смѣло хоругвь Піеридъ; ибо для сихъ Донкишотовъ, Поэзія и любовь одно и тоже. Я не думаю, чтобы Ламангскій рыцарь былъ влюбленъ и могъ сдѣлаться таковымъ когда либо. Престолъ страстей находился въ головѣ его, но не въ сердцѣ. Увы, сколько людей по его примѣру, избравъ навсегда совершенно несвойственный имъ образъ жизни, посредствомъ умствованій утвердясь въ безразсудномъ предприятіи, добивались тщетно вступить въ храмъ

славы! Сколько сочинителей безъ руководителя — разума — углублялись въ священную долину (между двумя вершинами Парнасса), постились въ ней долгое время и бодрствовали за перомъ, сочиняя безвкусныя Элегіи своимъ Дульцинеямъ и заставляя въ стихахъ своихъ сладко журчать, порхать Зефировъ, воздыхать Филомелу, скучать любовь, засыпать разсудокъ; иногда разрушать порядокъ Природы, принимать подобно Паладину обыкновенныя вѣтренныя мѣльницы за ужасныхъ гигантовъ и дѣлаться блуждающими рыцарями Парнасса! Что же извлекутъ они изъ столь великихъ трудностей? Презрѣніе, насмѣшки, а иногда и самое оскорбленіе. — Не должно вѣрить, чтобы истинному Поэту сродно было сумазбродство. Есть люди, которые воображаютъ, что Поэтъ есть образъ неистоваго Корибанта или разтрепанной Пифіи; что разсѣянность безпрестанно за нимъ слѣдуетъ, и что умъ его, увлекаемый воображеніемъ, не имѣетъ ни закона, ни постоянной твердости. Въ самомъ дѣлѣ, когда бы о нѣкоторыхъ господахъ стихотворцахъ судили по многимъ ихъ одамъ, въ коихъ едва

ли можно признать существованіе разума; то безсомнѣнія почли бы ихъ весьма сумазбродными: ибо что значатъ по истинѣ наши оды? Сочинитель совершенно не вѣдаетъ, гдѣ онъ, что онъ видитъ, что дѣлаетъ и что слышитъ? Кажется, что сила восторга отъяла у него всѣ чувства, и что онъ уже при концѣ издыханія: одни только судорожныя движенія означаютъ присутствіе жизни. Многіе дѣлаются Поэтами—живописцами, не будучи къ тому назначены, и не имѣя ни дарованія, ни правилъ. Лирическія картины ихъ загружены украшеніями излишними. Всѣ черты въ нихъ превышаютъ мѣру; а выраженія то слабы, то исполински. Однимъ словомъ, исключая нѣкоторыя произведенія въ семъ родѣ, которыя вѣчно жить будутъ въ потомствѣ, нельзя сдѣлать инаго справедливѣйшаго опредѣленія объ нашихъ героическихъ одахъ, писанныхъ по заказу на разные случаи, какъ сравнять ихъ съ чудовищными зданіями, въ которыхъ всѣ роды архитектуры смѣшаны безъ всякаго отличія, и коихъ богатство и отдѣлка доказываетъ не плодо-

витость и искусство, но его злоупотребленіе и безполезность усилій.

„Дайте мнѣ, горящія облака, порывистые „вѣтры, которые на возмущенныхъ кры„лахъ несутъ въ воздухѣ бури: пусть мер„твая тишина заступитъ мѣсто грома; „возколебавшаяся земля безмолствуетъ; „бѣгущая волна оцепѣнѣетъ; пусть ударъ „грома разсѣчетъ сію громаду облаковъ, ви„сящихъ въ высотѣ небесной: по сему гре„мящему знаку, по сему гласу, міръ возбла„годаритъ своего Властителя; а Всевыш„ній, умилостивленный покорностію нашею, „воззоветъ Зефировъ, возжетъ солнце, и „влажныя горы, окружавшія престолъ его, „превратятся въ росу, прольютъ въ нѣдра „земли жизнь, прохладу и изобиліе." —

Вотъ ода, ежели она когда либо была таковою, и ежели мнѣ слѣдовало непремѣнно употребить всѣ стихіи и не опустить изъ вида ничего такаго въ природѣ, что бы способствовало богатству моихъ описаній. Сколько пустыхъ украшеній и сколь пышность сія безполезна! Многіе возхищаются однако же подобными выраженіями: ибо удивленіе, котораго причиною пышныя изображенія и

неожиданныя дѣйствія поражаетъ душу тѣмъ, чего не постигъ еще разумъ.

Великіе поэты подобны Природѣ: она неподражаема въ своихъ дѣлахъ и произведеніяхъ; но отнюдь несмѣшна, нестранна. Ничто не причиняетъ столько оскорбленія истиннымъ чадамъ Аполлона, какъ несчастіе имѣть не достойныхъ сподвижниковъ. Поистинѣ, прекрасный полъ долженъ остерегаться хвалить сочиненные въ честь ему дурные стихи и не принимать ни Акростиховъ, ни Мадригаловъ; женщины обязаны остановить такаго Автора, который во всю жизнь свою не писалъ бы ничего, или писалъ единственно въ прозѣ; но который, желая пріобрѣсть одобреніе за Сонетъ, сочиненный *не готовясь*, или за Стансы, написанные въ довольно долгое время, — принимается за стихи всѣхъ родовъ, не смотря, что къ тому не имѣетъ ни малѣйшаго дарованія, ни познаній. Впрочемъ, ничто не можетъ быть такъ безполезно, какъ чрезвычайная страсть къ рифмотворству: несчастныя чада Феба дѣлаются чрезъ то даже неспособными къ другому какому либо роду Словесности. Занятіе сіе по всей

справедливости должно принадлежать тѣмъ, которые въ немъ успѣваютъ; но вы, коихъ произведенія публика читаетъ единственно изъ человѣколюбія — уже ли заключите непоколебимо и постоянно всѣ обязанности ваши въ необходимость безпрестанно скучать своимъ соотечественникамъ. Уже ли желаете вы быть всегда причиною того, что безцѣнное искусство, какова Поэзія, вмѣсто уваженія приобрѣтаетъ презрѣніе васъ постигшее? Похвальное искусство! — Скажутъ многіе, безцѣнное искусство! — Какъ! Поэзія, эта матерь сатиры, уже ли займетъ почетное мѣсто въ публикѣ? Не для тоголь, чтобъ болѣе укоренить, распространить и усилить лесть, коварство и злобу? Для тоголь, чтобы обезславить достоинство, прелесть и красоту, противъ коихъ она часто возставала? Для тоголь наконецъ, чтобы подъять мятежное чело противъ вѣры и закона? — Что отвѣчать на сіи восклицанія, какъ не то, что порочныя страсти существуютъ въ прозѣ также, какъ и въ стихахъ и дѣяніяхъ нашихъ, — и что талантъ, стремясь принесть пользу или вредъ, слѣдуетъ все-

гда влеченію души, которая есть его источникъ? Такимъ образомъ Поэзія — сіе искусство живописать для разума и заставлять чувствовать сердце все то, что Природа и кисть представляютъ для очей тѣлесныхъ, дѣлается фуріею въ клеветникѣ, пламенникомъ въ неистовомъ, ядомъ въ злонамѣренномъ сатирикѣ; но не менѣе она есть похвала добродѣтели, награда свободныхъ искусствъ, украшеніе вѣка, слава Государства, забава частнаго человѣка и прелесть Общества. — Счастливы существа, получившія талантъ, который всюду за ними слѣдуетъ, который въ уединеніи и тишинѣ представляетъ взорамъ ихъ все похищенное отсутствіемъ, и который сообщаетъ жизнь и краски всему, что есть въ природѣ: искусство, непостижимое для людей обыкновенныхъ.

А. Н.

ПОБРОДЯГИНЪ,

или

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ.

Побродягинъ? — Позвольте спросить васъ, Г. сочинитель, не пріѣзжій ли это гость изъ Москвы? — Помнится и тамъ былъ подобный чудакъ. — Вѣрно вы сняли копію съ Московскаго оригинала? — На первое скажу вамъ, любопытные читатели: да, а на послѣднее — нѣтъ.

Ежели вы обратитесь къ древности, то вспомните, что Демокритъ и Діогенъ были первыми оригиналами въ этомъ родѣ. Впрочемъ будьте снисходительны, и позвольте бродягамъ странствовать, одному въ Аѳинахъ, друго-

му въ Абдерѣ, третьему въ Москвѣ, а моему въ Петербургѣ. — И такъ выслушайте.

Описаніе мое о Побродягинѣ я раздѣлю, слѣдуя всѣмъ строгимъ систематикамъ, на физическое и моральное.

Изъ физическаго описанія узнаете вы, что Побродягинъ человѣкъ пожилой, малъ ростомъ, сухощавъ, глаза имѣетъ быстрые, носъ длинный, черты лица выразительныя, на устахъ его показывается иногда улыбка — скромная и многозначущая. Голова его всегда гладко причесана, и изъ подъ-стараго картуза простирается довольно длинная коса, знаменитый остатокъ украшенія рыцарей Карлова вѣка. Лѣтомъ онъ носитъ кафтанъ сшитый по модѣ, царствовавшей при Лудовикѣ XIV; длинный грезетовый камзолъ; чулки пестрые и башмаки съ большими стразовыми пряжками; въ рукѣ длинный костыль, подобной костылю слѣпца Велизарія, какъ утверждалъ одинъ Анти-

кварій нашего времени; а зимою надѣваетъ плащъ, подбитый старымъ изношеннымъ волчьимъ мѣхомъ и теплыя кеньги.

Теперь выслушайте моральное описаніе: онъ добръ, нѣсколько насмѣшливъ, но это не мѣшаетъ ему быть добрымъ; уменъ отъ Природы и образованъ. — Всю жизнь свою путешествовалъ по Россіи, путешествовалъ въ полномъ смыслѣ сего слова, имѣя такойже экипажъ, какой употреблялъ Петръ пустынникъ, бывшій главою крестовыхъ рыцарей.

Побродягинъ, прибывъ въ Петербургъ, съ утра до поздней ночи ходилъ по всѣмъ улицамъ и замѣчалъ все, что заслуживало его вниманіе.

Одинъ пріятель Побродягина, часто ходившій съ нимъ по Столицѣ, сдѣлалъ краткое описаніе прогулокъ сего новаго Діогена и доставилъ мнѣ для любопытства.

Вотъ оно:

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

ЗОНТИКЪ,

или

БОЛЬШІЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ОТЪ МАЛЫХЪ ПРИЧИНЪ.

„Довольно жарко! Нынѣшній день „такъ хорошъ, что и во время лѣта „мы не имѣли подобнаго.“ — Сказалъ одинъ незнакомый, сидѣвшій на бульварѣ подлѣ Побродягина.

Побродягинъ.

Это правда; однако же вы держитесь совѣтовъ мудреца, который говаривалъ: надѣвай плащъ, когда солнце свѣтитъ; а во время дождя, какъ хочешь.

Незнакомый.

Понимаю. Вы смѣетесь надъ моимъ зонтикомъ.

Побродягинъ.

Я не смѣюсь, Государь мой, пото-

му, что не имѣю ни нужды, ни права; но признаюсь, ваша предосторожность меня нѣсколько удивляетъ.

Незнакомый.

Вы правы, не зная настоящей причины моей предосторожности.

Побродягинъ.

О, Государь мой! Если вы имѣете на то свои причины, то я виноватъ.

Незнакомый.

Вы мнѣ очень понравились — простите мою откровенность; но я обязанъ такъ поступать съ каждымъ честнымъ человѣкомъ. Небольшое похожденіе моего зонтика разрѣшитъ удивленіе ваше. Зонтикъ былъ причиною моего счастія и злополучія. Исторія его будетъ исторіею моей жизни. Выслушайте:

Я родился въ городѣ К. Отецъ мой получилъ въ удѣлъ добрую жену и бѣдность. Для пропитанія семейства своего онъ употреблялъ всѣ честные спо-

собы. Будучи не въ состояніи содержать себя жалованьемъ, онъ вышелъ въ отставку и въ награду за тридцатилѣтнюю усердную службу получилъ, какъ водится, аттестатъ и — ничего болѣе. Въ то время я былъ десяти лѣтъ, и учился въ губернской школѣ, а въ свободные часы и въ праздничные дни помогалъ отцу моему. Весною, на нанятомъ лоскуткѣ земли, мы сѣяли разныя огородныя растѣнія, или ловили рыбу въ ближнемъ озерѣ; лѣтомъ смотрѣли за огородомъ и ходили въ лѣсъ за лозовыми прутьями; осенью убирали плоды, а зимою плели корзины, точили деревянную посуду. Такимъ образомъ текла жизнь наша. Чрезъ нѣсколько лѣтъ я лишился отца; мать моя немногимъ пережила его; горесть свела ее въ могилу — и я остался семнадцатилѣтнимъ сиротою въ совершенной бѣдности. Разбирая бумаги покойнаго отца, я нашелъ записку моей матери. Вотъ ее содержаніе: „Другъ мой, Пав-

„луша! ежели будетъ угодно Богу пре„кратить жизнь нашу прежде твоей, „то прошу, не продавай ни одной до„машней бездѣлки. — Покойная пови„вальная бабушка замѣтила нѣчто „странное при твоемъ рожденіи и увѣ„рила насъ, что отъ нѣкоторой вещи „изъ небольшаго нашего скарба про„изойдетъ твое счастіе или злополучіе, „смотря, какъ ты употребишь ее.“

Почитая свято волю родителей, я исполнилъ сіе послѣднее завѣщаніе. Между тѣмъ обстоятельства мои перемѣнились. Мнѣ должно было отправиться въ городъ М. . . , гдѣ нѣсколько мѣсяцовъ претерпѣвалъ нищету и — безъ стыда признаюсь — даже голодъ. Судьба меня преслѣдовала на каждомъ шагу и я уже близокъ былъ къ отчаянію.

Въ одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней, когда самая погода располагаетъ человѣка къ задумчивости, я взялъ зонтикъ и побрелъ въ отдаленное предмѣстіе города. Едва дошелъ до одной разва-

лившейся часовни на берегу рѣки, какъ сильный дождь, съ порывистымъ вѣтромъ, встрѣтилъ меня. Я раскрылъ зонтикъ и продолжалъ путь свой. Вдругъ въ отдаленіи вижу бѣгущихъ двухъ женщинъ, легко одѣтыхъ и старающихся укрыться отъ дождя. Я поспѣшилъ къ нимъ и предложилъ свой зонтикъ. Онѣ чрезвычайно обрадовались и съ благодарностію приняли мое предложеніе; я проводилъ ихъ домой.

Меня пригласили войтти. Въ домѣ нашелъ я избытокъ и семейственное благополучіе. Хозяйка и дочь ея, шестнадцати — лѣтняя Лиза, приняли меня весьма ласково и безпрестанно повторяли благодарность за маловажную мою услугу. — Между тѣмъ они разсказали мнѣ причину уединенной прогулки своей: Недалеко отъ разрушенной часовни, на берегу рѣки, погребено тѣло брата Лизы, который, влюбясь въ одну непостоянную дѣвицу, лишилъ себя жизни. Посѣщеніе могилы брата, составляетъ

единственное утѣшеніе прекрасной сестры его. Вотъ первое знакомство мое съ этимъ семействомъ. Почтенная Н. съ милымъ участіемъ просила меня быть у нихъ какъ можно чаще. Разумѣется, что я въ точности исполнилъ ее желаніе, и такимъ образомъ, посѣщая почти каждый день, я сдѣлался у нихъ наконецъ домашнимъ человѣкомъ. Красота, доброта души, Ангельскій нравъ и умъ Лизы меня очаровали. Я полюбилъ ее — и былъ любимъ взаимно. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Лиза, божественная Лиза, сдѣлалась моею женою. Блаженство мое было неизъяснимо, и каждый день жизни моей былъ днемъ восторга и счастія.— Но кто виною сего? — Зонтикъ, такъ, Государь мой, зонтикъ. — Получивъ съ рукою Лизы изрядное состояніе, я занялся торговыми оборотами и въ короткое время пріобрѣлъ значительный капиталъ. — Дѣла принудили меня отправиться съ Лизою въ Столицу. —

⁂

Здѣсь прожилъ я около двухъ мѣсяцевъ и началъ уже собираться въ обратный путь; какъ вдругъ приходитъ ко мнѣ незнакомый человѣкъ и проситъ итти съ собою къ одному знатному господину. Напрасно желалъ я узнать о причинѣ сего неожиданнаго зова: мнѣ ничего не отвѣчаютъ, и я рѣшился слѣдовать за посланнымъ. Меня представили С. — „Чѣмъ могу возблагодарить „вамъ, Государь мой, за вашъ подвигъ? „вы спасли жену мою." — Такой прiемъ удивилъ меня. — С. продолжалъ говорить, и я припомнилъ, что прогуливаясь въ загородномъ саду, избавилъ одну женщину и слугу ея отъ бѣшеной собаки помощiю моего зонтика. Я отвѣчалъ Гну. С., что такая услуга есть долгъ каждаго и не стоитъ благодарности. — Какъ бы то ни было, но С. обласкалъ меня и предложилъ мнѣ вступить въ гражданскую службу. Я согласился, и признательный человѣкъ доставилъ мнѣ мѣсто, а съ нимъ по-

чести и отличія. Такимъ образомъ я остался въ Столицѣ. — Кто же виною сего? — Зонтикъ, такъ, Государь мой, зонтикъ. — Послѣ всего этаго, чего же еще недоставало къ моему благополучію? Но ахъ! какъ часто за красными днями жизни наступаетъ буря! Фортуна обернулась ко мнѣ спиною. Дослушайте.

Однажды играли новую оперу. Женѣ моей хотѣлось видѣть піесу и слышать музыку, которую она страстно любила. Мы взяли кресла, потому, что при всемъ усиліи моемъ не могъ я достать ложу, хотя пришелъ въ театръ вмѣстѣ съ восходомъ солнца и вмѣстѣ съ Г. раздатчикомъ билетовъ. — Но это не въ первый разъ, и при томъ дѣло постороннее... пусть себѣ поправляютъ состояніе! — Облокотясь на зонтикъ, я слушалъ съ великимъ вниманіемъ прекрасное произведеніе Моцарта и, забывшись совершенно, уронилъ зонтикъ. По несчастію онъ упалъ на но-

—•○○•—

гу сидѣвшаго подлѣ меня офицера. Грубіянъ разбранилъ меня — и я напрасно, то извинялся въ неумышленномъ проступкѣ, то совѣтовалъ ему быть снисходительнѣе и вѣжливѣе; но по выходѣ изъ театра онъ непремѣнно требовалъ удовлетворенія. Вы понимаете, Государь мой, въ чемъ состояло это удовлетвореніе? — Поединокъ былъ неминуемымъ слѣдствіемъ. Соперникъ мой былъ раненъ, а родственники его преслѣдовали меня повсюду — и я принужденнымъ нашелся оставить Столицу, а съ нею и мѣсто мое. — Кто же виною сего? — Зонтикъ, такъ, Государь мой, зонтикъ. — И такъ я опять поселился въ К. Но недолго наслаждался спокойствіемъ. Въ праздникъ Петра и Павла насъ пригласили на именины въ загородный домъ по другую сторону рѣки. Мы взяли лодку и переѣхали благополучно. До самой полночи пробыли у именинника — и опять на той же лодкѣ пустились черезъ рѣку. Дождь шелъ

довольно крупный и вѣтеръ дулъ весьма сильно. Я не могъ сдержать въ рукахъ зонтика и привязалъ его къ лодкѣ: мы летѣли какъ на парусѣ. Едва выѣхали на средину, какъ сильный порывъ вѣтра свернулъ на бокъ зонтикъ, а съ нимъ опрокинулъ и лодку. Я и перевозчикъ спаслися отъ потопленія; но Лиза, божественная Лиза, погибла навѣки. — Кто же виною сего? — Зонтикъ, такъ, Государь мой, зонтикъ.

Побродягинъ.

Зонтикъ причиною вашихъ несчастій, и вы его не оставите! —

Незнакомый.

Вспомните, Государь мой, что онъ былъ также причиною и благополучія моего! Я увѣренъ, что чрезъ него или снова буду счастливъ, или погибну. Въ томъ и другомъ случаѣ доволенъ буду своею участью. Прощайте, Государь мой! Вотъ вамъ мой адресъ. Надѣюсь, что вы меня посѣтите.

13

Странное дѣло! сказалъ Побродягинъ, какъ часто случается, что большія послѣдствія происходятъ отъ малыхъ причинъ. Между тѣмъ подошелъ Педантовъ и Побродягинъ разказалъ ему слышанную исторію.

Педантовъ.

Что же скажете вы, Г. Побродягинъ, о той таинственной запискѣ и о предсказаніи бабки? —

Побродягинъ.

Ничего, совершенно ничего. Старухи обыкновенно любятъ выводить какія нибудъ чудесныя и чрезвычайныя заключенія.

Педантовъ.

Однако же, почему такъ вѣрно сбылось ея предсказаніе? Воля ваша, а мы ученые еще не все знаемъ.

Побродягинъ.

Повѣрьте, Г. Педантовъ, что старуха не видала ничего особеннаго при рожденіи знакомца моего; но утверждала для того, что бы чрезъ сію хит-

⟶•∞•⟵

рость пріобрѣсть себѣ особенное уваженіе и выгоду. Все же, случившееся съ симъ счастливымъ несчастливцемъ, произошло бы и безъ предсказанія старухи. Мы часто приписываемъ послѣдствія такимъ причинамъ, которыя не имѣли на нихъ ни малѣйшаго вліянія. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что съ тѣхъ поръ, какъ появились у насъ критическіе журналы, сочинители піесъ пріобрѣли болѣе вкуса и познаній, и будто съ сего времени, какъ начали дѣлать разборы драматическихъ представленій и игры Актеровъ, мы будемъ имѣть прекрасныя трагедіи, комедіи и оперы, а Гг. Актеры усовершенствуютъ свои таланты.

Педантовъ.

Что же? вы согласитесь: критика много дѣйствуетъ на сочинителей.

Побродягинъ.

Вы правы. Нынѣ она точно обращается на сочинителей, а не на сочиненія, по отношенію послѣднихъ къ сану

15

и политической силѣ первыхъ. — Два издателя однаго журнала въ критикахъ своихъ на театральныя пiесы хвалятъ другъ друга безъ пощады, подъ чужими именами. Я самъ, грѣшный человѣкъ, послалъ напечатать въ нѣкоторомъ журналѣ высокопарную похвалу писателю N. N., моему большому приятелю: — Что же дѣлать? Онъ приставалъ безпрестанно, — и я принужденъ былъ исполнить его просьбу. — Виноватъ, Государь мой, похвалилъ чужой товаръ для того только, чтобы болѣе покупщиковъ явилось.

Педантовъ.

Но есть разборы безпристрастные и умные, показывающiе, что критикъ вникнулъ въ духъ сочиненiя и разбиралъ не одни орѳографическiя ошибки; но планъ, ходъ и отдѣлку пiесы.

Побродягинъ.

Это правда: но какъ они рѣдки въ наше время! Я еще замѣтилъ непростительную странность въ нѣкоторыхъ по-

луученыхъ. — Они отдаютъ справедливость не талантамъ; но лѣтамъ, и хотятъ непремѣнно, чтобы занимающійся науками и словесностію былъ не моложе 35 лѣтъ и даже не худо, ежелибъ имѣлъ и бороду; — въ противномъ случаѣ молодыхъ лѣтами, но старыхъ познаніями сочинителей, называютъ мальчиками; — а еще того страннѣе, эти мальчики, достигнувъ старости, услышатъ совсѣмъ противное. Имъ скажутъ, что воображеніе ихъ угасло, силы ослабли и что они въ молодости писали превосходно. Гдѣ же истина? —

Педантовъ.

Признаюсь, когда я слушаю молодаго сочинителя, читающаго свое произведеніе, то всегда представляется мнѣ, что слушаю ребенка, раскazывающаго свои шалости, и мнѣ кажется, что какъ бы ни хорошо было его сочиненіе, но все чего-то въ немъ недостаетъ истинно творческаго.

Побродягинъ.

Это вамъ представляется отъ того,

—⊰•∞•⊱—

что вы, можетъ быть, сами въ подобныя лѣта ничего хорошаго не производили; это вамъ кажется отъ того, что вамъ самимъ въ совершенномъ возрастѣ недостаетъ чего-то. Такіе старые сочинители, которые превозносятъ все писанное людьми ихъ возраста и порицаютъ произведенія молодыхъ Авторовъ, подобны саранчѣ, истребляющей молодыя произрастѣнія — надежду и отраду возделователя нивы. Молодой писатель сходенъ съ юнымъ растѣніемъ. Оно имѣетъ нужду въ подпорѣ, — и горе ему, ежели возле его ростетъ такое древо, которое вмѣсто того, чтобы служить ему защитою отъ вѣтровъ и зноя, само нагибаясь и качаясь безпрестанно, юный стебель дѣлаетъ кривымъ и безобразнымъ, а часто и подавляетъ его своею тяжестію.

Педантовъ.

Нѣтъ, Г. Побродягинъ — мы съ вами никогда не согласимся. — Вы вооружены *софизмами* — а я люблю сражаться *силогизмами.* Молодые писатели

должны выдержать весь искусъ и испытаніе; тогда-то произведенія ихъ достигнутъ своей цѣли.

Побродягинъ.

Но мы съ вами тотчасъ согласимся, ежели разберемъ хорошенько, что одна свобода и собственная воля есть источникъ занятій сего рода. — Подавите грубыми и бранными словами первый зародышъ сего генія, и стремленіе къ изящному изчезнетъ. — Одинъ, напримѣръ, избралъ себѣ занятіемъ науки, отказался отъ всѣхъ обольстительныхъ и безполезныхъ удовольствій свѣта, отъ всѣхъ выгодъ и почестей, заключился въ четырехъ стѣнахъ и бесѣдуетъ съ музами. Онъ желаетъ современемъ быть полезнымъ отечеству; стремится къ своей трудной цѣли, — и производитъ плоды сначала безсомнѣнія слабые, надѣясь постепенно достигнуть совершенства, какъ вдругъ несправедливый, но забавный приговоръ педанта — объявляетъ соотечественникамъ, что молодый писатель принялся не за свое дѣло.

Теперь скажите мнѣ, — можетъ ли онъ послѣ такаго привѣтствія не потерять духа, — можетъ ли онъ, вооружась Философіею, презрѣть нападеніе педанта? — Ему покажется безсомнѣнія, что онъ трудится для неблагодарныхъ соотчичей! — Воля ваша, Государь мой, — а ГГ. полуученые педанты гораздо нагубнѣе зонтика! —

Педантовъ.

Вы начали съ зонтика и кончили зонтикомъ. — У васъ conclusio сдѣлана по формѣ; но ни мѣсто, ни время не позволяютъ мнѣ опровергать ваши сужденія.

Побродягинъ.

Вы можете написать цѣлую диссертацію и помѣстить ее въ любомъ журналѣ. — Нынѣ это въ употребленіи. — Что говорятъ въ дружескомъ кругу, то и печатаютъ. Простодушные собесѣдники совсѣмъ не думаютъ, что найдутся между ими люди, которые ни во что ставятъ старинную пословицу: „*Чуръ, изъ избы сору не выносить!*“ —

ПОБРОДЯГИНЪ,

или

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

ХУДОЖНИКИ ВО ВСѢХЪ РОДАХЪ.

Отъ кого получили вы письмо Г. Побродягинъ?

Побродягинъ.

Отъ стараго сослуживца, любезный приятель!

Я.

Но вы смѣетесь, и кажется мнѣ, что смѣхъ вашъ необыкновенный?

Побродягинъ.

Очень обыкновенный по тому, что происходитъ отъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ.

Я.

Не тайна ли?

Побродягинъ.

Со всѣмъ нѣтъ; такого рода тайны извѣстны многимъ должникамъ и заимодавцамъ.

Я.

А *я*, какъ недолжникъ и незаимодавецъ, не могу безъ сомнѣнія въ этомъ участвовать.

Побродягинъ.

Можешь: у меня ничего нѣтъ сокрытаго. Вотъ письмо, прочти самъ.

„Любезный и старинный сослужи-
„вецъ! — Ты знаешь, что я, отъѣзжая
„въ Т.... долженъ былъ занять 500
„рублей на необходимыя путевыя из-
„держки. Одинъ добродѣтельный ро-
„стовщикъ, живущій въ М.... М....
„улицѣ, въ домѣ Г. П..... по прозва-
„нію Криводушинъ ссудилъ мнѣ сумму
„сію на два мѣсяца, положивъ росту
„по 5 копѣекъ въ каждой — и въ обес-

„печеніе сей суммы взялъ подъ закладъ „мою лисью шубу, женинъ салопъ, да „стѣнные бронзовые часы, доставшіеся „мнѣ въ единственное наслѣдство по- „слѣ покойнаго дѣда. — Въ надеждѣ „не замедлить расплатою, я вовсе не „заботился о процентахъ; но дѣла мои „пошли худо. Вотъ уже 13 мѣсяцевъ „минуло, вещи въ залогѣ, а онѣ стоютъ „мнѣ 2000 рублей.

„И такъ, прилагая у сего 500 руб. „капитальной суммы, да за 13 мѣсяцевъ „процентовъ 325 руб., прошу усердно „заплатить великодушному заимодавцу „и отобравъ залогъ переслать ко мнѣ „съ попутчиками въ Т.... и проч.“

Признаюсь! Это весьма необыкновенная причина вашего смѣха Г. Побродягинъ!

Побродягинъ.

Такъ ты не знаешь еще въ точности подобныхъ сострадательныхъ одолженій?

Я.

Но таковый роспъ запрещенъ многими законами.

Побродягинъ.

Это правда; однако какихъ хитростей и средствъ не изыщетъ корыстолюбіе? Заимодавцы въ актахъ своихъ означаютъ одни указные проценты, а дополнительные вычитаютъ при дачѣ въ займы капитала. Такимъ образомъ какъ уличить ихъ въ лихоимствѣ?

Я.

Но вы можете Г. Побродягинъ донесть о семъ Правительству.

Побродягинъ.

Развѣ тебѣ неизвѣстны тяжбы? не очень-то приятно *въ чужомъ пиру похмѣлье.* — Криводушинъ человѣкъ безъ сомнѣнія богатый, а я.... могу ль съ нимъ тягаться? — Къ тому же чѣмъ уличить сего благодѣтеля нуждающихся собратій?

Я.

Письмомъ вашего пріятеля.

Побродягинъ.

Самой пустой документъ.

Я.

Такъ не отдавайте процентовъ.

Побродягинъ.

Тѣмъ лучше для Криводушина: онъ оставитъ у себя закладъ и пойдетъ даже къ присягѣ, что денегъ въ займы не давалъ и не принималъ залога.

Я.

Что же вы намѣрены сдѣлать?

Побродягинъ.

Отыскать Криводушина и расчесться какъ желаетъ самъ пріятель мой. — Однакожъ медлить нечего: прощайте!

Я.

Одно слово: пока былъ въ Университетѣ, я зналъ людей по книгамъ, а потомъ по добродушному участію въ судьбѣ моей, по снисхожденію, дружбѣ и любви искренней, вступивъ въ небольшой мирной кругъ родственнаго семейства. Но то, что узнаю отъ васъ, кажется приключеніемъ въ свѣтѣ весь-

ма для меня новымъ: я бы весьма желалъ знать послѣдствія. . . . .

Побродягинъ.

Это отъ тебя зависитъ: пойдемъ со мною.

Мы пришли въ . . . . . скую и по узкой лѣстницѣ вошли въ верхній ярусъ дома П . . . . . ва. Побродягинъ отворяетъ дверь; — человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ камзолѣ, подпоясанный передникомъ, держащій въ рукахъ кисти, представился первый нашимъ взорамъ: ,,кого вамъ надобно?" спросилъ онъ Побродягина. Я ищу Криводушина. — ,,Онъ ,,живетъ рядомъ со мною: вотъ дверь ,,къ нему."

Вы вѣрно художникъ, спросилъ Побродягинъ. ,,Такъ точно; я живопи- ,,сецъ." Въ какомъ родѣ сего искуства занимаетесь? — ,,Во всѣхъ родахъ, Го- ,,сударь мой!" — Позвольте полюбоваться произведеніями кисти вашей. — ,,Съ удовольствіемъ."

⁂

Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ родахъ живописецъ! — Едва переступили мы чрезъ порогъ, какъ взоръ нашъ пораженъ былъ чрезвычайною разнообразностію предметовъ искуства. Въ одномъ углу стояла вывѣска съ изображенными разбитыми тарѣлками, чашами, чашками, чашечками, блюдами, блюдечками и проч. съ лаканическою надписью: *Сей мастеръ сею пасуду чинить.* — Въ другомъ углу трактирная вывѣска съ изображеніемъ нѣсколькихъ лицъ, однихъ сидящихъ за столомъ, а другихъ, проворно прислуживающихъ и съ грамматическою надписью: *Въ хотъ вмалтенской ерберхъ.* — На станкѣ доканчивалась третья, представляющая самую быструю и весьма смѣлую фантазію художника: двѣ бутылки волшебною силою извергаютъ искрометное пиво фонтаномъ, который изгибаясь дугою, наполняетъ два стоящіе стакана. Надписи еще никакой не было; а потому Г. художникъ принялъ на себя трудъ объ-

ясниmъ намъ, что сія аллегорія представляетъ *лортерную лавочку*.

На всѣхъ вывѣскахъ стояло кабалистическое число No. I.

Скажите Г. художникъ, для чего на всѣхъ вывѣскахъ вашихъ поставленъ одинаковый No.? — „Потому, Государь „мой, что никто изъ ремесленниковъ и „лавочниковъ не хочетъ, что бы́ квар„тира или лавка его означена была и„нымъ No., какъ 1 й; ибо 2, 3 и по„слѣдующіе уменьшаютъ число покупа„телей и самую цѣну товаровъ.“ Благодарю васъ, Государь мой, за снисхожденіе ваше и за то удовольствіе, какое доставило намъ ваше искуство.

Изъ двери живописца во всѣхъ родахъ мы вошли въ дверь къ Криводушину.

Лай большой собаки возвѣстилъ хозяину о приходѣ нашемъ. Насъ встрѣтилъ пожилой человѣкъ въ нанковомъ сѣромъ сюртукѣ. — Старое кожаное канапе, дубовый столикъ, на немъ рас-

крытая какая-то вѣтхая книга, очки, подсвѣчникъ съ догорѣвшею свѣчкою: все это едва не увѣрило меня, что входимъ въ обитель отшельника, испытавшаго бури и превратности бреннаго міра; но два огромные сундука, тщательно окованые цѣльными полосами желѣза и толстая шнуровая книга въ рукахъ хозяина, на которой было написано: *Книга записная векселей и закладовъ*, тотчасъ истребили во мнѣ пріятныя мысли о беззаботной жизни мнимаго счастливца. Я еще не зналъ, что и подумать о нашемъ хозяинѣ, какъ догадливый Г. Побродягинъ обратился къ нему съ вопросами.

Не вы ли Г. Криводушинъ?

„Точно такъ; что вамъ угодно?"

У васъ есть вещи Г. С . . . . . который занималъ подъ нихъ 500 руб.

„Вы вѣрно хотите ихъ выкупить?"

Да. — Скажите сколько причитается процентовъ?

„Справлюсь."

(Онъ развернулъ толстую книгу и въ нѣсколько секундъ счетъ сдѣланъ.) „Процентовъ приходится 325 руб. да „неустойки 43 руб. 33⅓ коп. Сверхъ „того за потерю процентовъ, которыхъ „я лишенъ былъ ровно 13 мѣсяцевъ при- „читается указныхъ 24 руб. 6 коп. „всего же 392 руб. 39⅓ коп. однихъ про- „центовъ.“

Но это безбожно!

„Безъ сомнѣнія со стороны Г. С..... „которому я оказалъ милосердіе въ нуж- „дѣ и который такъ долго продержалъ „мои деньги.“

Но вы почти вдвое получаете.

„Никакъ, Государь мой, я потер- „пѣлъ убытокъ. Нынѣ мнѣ даютъ по „7 коп. на рубль въ мѣсяцъ, а я, сохра- „няя честное слово, требую уплаты по „старому договору.“

Долго продолжался споръ о прибавочныхъ деньгахъ Криводушинымъ. Наконецъ Побродягинъ приплатилъ свои,

взялъ вещи и мы отправились на Островъ.

Побродягинъ.

Видишь ли любезный другъ, что это также художникъ во всѣхъ родахъ процентовъ.

Я.

О! я бы его тотчасъ отправилъ въ Полицію.

Побродягинъ.

Въ Полицію? — Избави Богъ! по моему держись правила: *отойди отъ зла и сотвори благо.*

Я.

Развѣ вы дознали уже несправедливость судей собственнымъ опытомъ.

Побродягинъ.

До сихъ поръ еще судьба сохранила меня отъ сего несчастія; но я найдя въ одной Китайской исторіи множество примѣровъ неправосудія, принялъ себѣ за правило избѣгать тяжбы. А по сему-то страшась, что бы за самую справедливость свою не потерпѣть неспра-

ведливости, и не лишиться болѣе отнятаго у меня соперникомъ, всегда уступалъ ему собственность свою. Такое правило пригодно, кажется, для многихъ обиженныхъ. Кстати разскажу тебѣ поступокъ Джургани Бинъ-ма-сы или полицейскаго суда въ Пекинѣ.

Одинъ ремесленникъ, достававшій пропитаніе многочисленному семейству своему обработываніемъ проса, объявилъ въ Джургани, что въ ночное время украдена у него телѣга, въ которой онъ обыкновенно возилъ просо. Подозрѣніе пало на сосѣдей, и Яфаха-Укшинъ или полицейскій Офицеръ отправленъ былъ для обыска. Въ самомъ дѣлѣ подозрѣніе оказалось справедливымъ. Похищенная телѣга найдена въ сараѣ сосѣда Хошана. И такъ, кажется, дѣло уже кончено! Должно бы отобрать похищенное и похитителя предать суду. Но вышло противное. Хошанъ знакомъ коротко Ильхи-Хафану, или одному изъ судей въ Джургани, да сверхъ

того досталъ письмо отъ знатнаго Мандарина къ Тиду (главному судьѣ). Чрезъ нѣсколько дней бѣдный ремесленникъ позванъ къ суду за сдѣланное поношеніе Хошану, который показалъ въ отвѣтѣ, что телѣги не похищалъ, но взялъ за долгъ, причитающійся на прособѣлателѣ, и что за нанесенную обиду требуетъ онъ удовлетворенія. Ремесленникъ посаженъ былъ въ тюрьму, и чрезъ нѣсколько недѣль приказано ему было заплатить Хошану штрафу 200 лановъ и выѣхать чрезъ 13 часовъ изъ города, предоставивъ впрочемъ отыскивать право на свою телѣгу и опровергать искъ на немъ Хошана, ежели имѣетъ на то законныя доказательства. Замѣть при семъ, что Китайскими законами строго запрещено самоуправство, что искъ Хошана недоказанъ и былъ ложной, и прособѣлатель имѣлъ всегда право сказать, что телѣга его украдена ночью: ибо кромѣ воровъ, никто въ сіе время тихимъ образомъ чужихъ вещей не уно-

сипъ. Замѣть также, что ремесленникъ не обиженъ полицейскимъ судомъ: ему предоставлено право не входя даже въ городъ отыскивать похищенную вещь.

Теперь какъ ты помыслишь о правосудіи въ Китаѣ?

Я.

Но Китай не можетъ еще быть примѣромъ всеобщаго неправосудія.

Побродягинъ.

Ахъ, другъ мой, гдѣ люди, тамъ и страсти. Эту истину чѣмъ опровергнуть можно?

Я.

Скажите въ какой Китайской книгѣ читали вы о произшествіи прособѣлателя?

Побродягинъ.

Въ Та-гіо-фа. Ежели ты охотникъ до исторій сего рода, то я по вечерамъ буду ихъ разсказывать, потому что эту книгу ты не такъ-то скоро отыскать можешь.

Я.

О! я съ благодарностію готовъ слушать все полезное.

Между тѣмъ, какъ разговоръ нашъ приближался къ концу, мы достигли уже лубочныхъ сараевъ выстроенныхъ на И** площади. Нужно ли разсказывать, что зрѣлища сіи и присоединенныя къ нимъ качели и горы составляютъ народныя забавы о святой недѣли. Извощикъ съ поклажею отправился домой; а мы зашли полюбоваться представленіемъ фокусниковъ, штуками фигляровъ и взаимнымъ обращеніемъ гостей, посѣщающихъ сіи шумныя собранія.

Побродягинъ.

Послушаемъ народной пѣсенки нашей. Смотри какъ этотъ молодецъ, по видимому лакей, сидя въ ящикѣ круглыхъ качелей разливается въ треляхъ.

Я.

Мнѣ кажется, онъ воображаетъ себя какимъ либо Гайденомъ, Моцартомъ или Хандошкинымъ.

Побродягинъ.

Нимало: онъ Руской. — Одни иностранцы умѣютъ изъ мухи дѣлать слона. Посмотри какъ кто либо изъ подобныхъ симъ фокусникамъ, пріѣхавъ въ Россію, умѣетъ выставить себя, распишетъ, раскраситъ свою исторію, свои таланты, свое искуство съ прибавленіемъ: *что подобнаго не было въ мірѣ.* Обвороженный народъ съ восхищеніемъ бросается къ нему со всѣхъ сторонъ, но что я говорю — народъ? — Одинъ токмо классъ народа и, къ сожалѣнію, классъ высшій! Каждый спѣшитъ скорѣе кинуть искусному краснобаю деньги, добытые потомъ бѣдныхъ земледѣльцевъ и пріѣзжему Мусье раздаются рукоплесканія и похвалы модной публики. Руской напротивъ очень скроменъ; даже одаренный геніемъ, онъ не дозволитъ себѣ дерзской мысли, что бы чуждъ былъ какихъ недостатковъ. Весьма немногіе знаютъ его, другіе не хотятъ знать, а прочіе сами, находя за

неприличное назвать его прекраснымъ именемъ Monsieur, по неволѣ не могутъ да и не достойны знать его.

Вслушайся въ пѣсню сего презираемаго большимъ свѣтомъ музыканта: сколько прекрасныхъ, трогательныхъ тоновъ издаетъ кларнетъ его! Замѣть при томъ, что иностранцы всегда или изъ зависти, или отъ невѣжества коверкаютъ наши народныя пѣсни, такъ какъ привыкли они коверкать имена Рускія.

Я.

Признаюсь, — нѣсколько разъ слушалъ я, какъ они играютъ наши пѣсни по своимъ нотамъ и всегда досадовалъ, что превосходнѣйшія мѣста искажены ими до чрезвычайности.

Побродягинъ.

Такой поступокъ я признаю оскорбленіемъ народной гордости нашей и чести. — Чу! слышишь ли странной крикъ, раздающійся съ этаго шалашнаго балкона? Это драка куколъ. Одинъ при-

—❧—

ятель мой, путешествовавшій по Европѣ долгое время, сдѣлалъ любопытное примѣчаніе, что шарлатаны сіи въ одной токмо Россіи заставляютъ куколъ своихъ безпрестанно драться палками; это понудило его спросить одного изъ Фигляровъ, какая причина побуждаетъ ихъ въ одной Россіи представлять столь часто трагическія кукольныя сцены? — „Мы желаемъ тѣмъ угодить вкусу Рускихъ" былъ отвѣтъ шарлатана.

Вотъ, другъ мой, каковы иностранцы! Въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, которые ихъ унижаютъ совершенно — я говорю о фокусахъ, коверканьяхъ, дурачествахъ и проч. — они еще сами стараются унижать насъ.

Я.

А! вотъ еще какой-то Одипъ...

Побродягинъ.

Посмотри надпись: *Одилъ, уроженецъ Неаполитанскій, пріѣхавшій недавно въ Россію, играетъ вдругъ на 7*

⟶•∞•⟵

инструментахъ. Въ самомъ дѣлѣ недавно, вотъ уже *пятой годъ* какъ повторяется слово *недавно*.

Я.

Послушаемъ же Одипа.

Побродягинъ.

Охотно.

Мы вошли въ деревянный сарай, заплатя по 25 коп. съ человѣка. Г. Побродягину хотѣлось быть въ кругу простаго народа. Передъ нами сидѣло нѣсколько прекрасно одѣтыхъ дамъ, и дѣтей; человѣкъ десять франтовъ и имъ подобныхъ фигляровъ. Они занимали первыя мѣста по 1 рублю съ особы. Представленіе еще не началось, и мы принуждены дожидаться пока наполнится театръ.

Побродягинъ.

Что ты думаешь о сихъ красавицахъ, изъ коихъ каждая имѣетъ при себѣ по ребенку?

⊰•∞•⊱

Я.

Это вѣрно матери; — они пришли позабавить дѣтей своихъ.

Побродягинъ.

Неправда: это обманъ. Имъ хотѣлось побывать въ комедіяхъ; но стыдъ воспрещалъ имъ на сіе рѣшиться; а потому каждая изъ нихъ, имѣя при себѣ чужаго ребенка, дѣлаетъ видъ, какъ будто для забавы дѣтей вошла въ комедію.

Взгляни на сихъ разряженныхъ и распрысканныхъ духами щеголей. Они уговорились идти въ сарай, посмѣяться надъ глупостью и простотою народа, между тѣмъ какъ сами по глупости своей восхищаются коверканьемъ вымараннаго паяца. Это писцы изъ одной Палаты.

Я.

Изъ нихъ одного я узнаю: посмотрите, не тотъ ли это, который приходилъ къ вамъ тому назадъ съ полго-

да въ разодранномъ платьѣ съ книгою для возвращенія вѣрющаго письма?

Побродягинъ.

Да, это онъ самый. Чтожъ тутъ мудренаго? Фиглярскіе плутовскіе штуки и разные ложные фокусы пригодны во всякомъ мѣстѣ.

Вотъ начинается комедія. Тощія собаки, одѣтыя въ разное платье, вышли на сцену; заиграла музыка, въ которой барабанъ главнѣйшій инструментъ, — и бѣдныя четвероногія принялись кружиться за своимъ повелителемъ, или, лучше сказать, за его палкою. Посмотри, какъ простая и смирная собака по волѣ своего господина должна возить на себѣ всю тяжесть тележки: проворнѣйшія и хитрѣйшія изъ сихъ животныхъ занимаютъ лучшія покойныя мѣста въ сей колесницѣ; а эта жирная, вислоухая и самая назойливая, въ видѣ кучера, управляетъ другою тощею собакою, которая по взглядамъ своимъ, кроткимъ и какъ бы молящимъ о со-

страданіи, по всей справедливости достойна быть эмблемою вѣрности. Эта собачья сцена часто бываетъ сходна и съ человѣческою. Простосердечный и трудолюбивый работаетъ, какъ волъ, потому что онъ имѣетъ разумъ; хитрые глупцы покоятся за большимъ столомъ, а хитрѣйшіе управляютъ всею машиною, приводя ее въ дѣйствіе посредствомъ людей трудолюбивыхъ, хотя неискательныхъ, но способныхъ, разумныхъ и благородно-мыслящихъ. — Вотъ и комедія кончилась. Пойдемъ! Время обѣдать.

Я.

Но мы не слыхали игрока на семи инструментахъ.

Побродягинъ.

И слушать нѣчего. Я довольно начитался въ той же Китайской книгѣ Та-гіо-фа о подобныхъ ему игрокахъ въ свѣтѣ: это зеркало истины ясно открыло мнѣ, какъ многіе услуживаютъ, и при томъ съ бо́льшею выгодою — также

посредствомъ разныхъ инструментовъ, какъ-то: спиною, языкомъ, руками, карманомъ, прекрасною своею Шіаною и тому подобнымъ. Первые три инструмента весьма легки, четвертый всѣхъ тяжелѣе, а послѣдній всѣхъ легче. Игрокъ сего рода употребляетъ инструменты свои каждой по очереди, когда начинаетъ ремесло свое. — Читай, мой другъ, Китайскую книгу и увидишь какъ въ приемной Мандарина такой художникъ, не жалѣя спины, изгибается съ невѣроятною легкостію; нужна ли Мандарину коробочка съ пряными кореньями? Онъ давно ловитъ его взгляды, его помышленія: бѣжитъ въ гостиную и съ поклономъ подноситъ желаемое. Сбѣжитъ ли любимая собака? Мечется во всѣ стороны, скачетъ по всему городу, останавливаетъ прохожихъ, готовъ вопроситъ мертвыхъ: не видали ль они любимой собаки Мандарина? Захромаетъ ли обезьяна, или нахохлится попугай: онъ вздыхаетъ, страдаетъ самъ болѣзнію вмѣстѣ съ жи-

вотными. Такимъ образомъ, мало по малу, онъ входитъ въ довѣренность — и тутъ-то начинаетъ играть языкомъ. Лесть льется у него рѣкою въ похвалу Мандарина и клевета ко вреду ближнихъ. Охотникъ ли Мандаринъ до какихъ либо рѣдкостей? Онъ жертвуетъ ими; но дабы не оскорбить честность и безкорыстіе своего кумира, онъ старается увѣрить его, что бездѣлицы сіи досталъ за бездѣлицу на Укшанскомъ рынкѣ въ Пекинѣ отъ несмыслящихъ продавцевъ, или получилъ въ подарокъ отъ своего родственника или въ наслѣдство. Нужно ли ему нѣсколько тысячь лановъ? Онъ вынимаетъ изъ своего хранилища и даетъ мандарину въ займы, т. е. безъ возврата. Потомъ, — потомъ онъ притворяется больнымъ, провѣдавъ о какомъ либо выгодномъ мѣстѣ, и посылаетъ съ прозьбою прекрасную Шіану свою. Тутъ какъ Мандаринъ откажетъ въ прозьбѣ сго? Живой, прекрасной *аргументъ* кого убѣдитъ не можетъ? Игрокъ на раз-

личныхъ инструментахъ, хотя и прибавитъ къ музыкѣ своей рога, но съ ними приобрѣтетъ и выгодное мѣсто, и блистательное званіе.

Вотъ, другъ мой, еще художникъ во всѣхъ родахъ. Ремесло сего рода художника хотя безчестнѣе, но гораздо полезнѣе ремесла Одиповъ, Неаполитанскихъ уроженцовъ!

Въ сихъ разговорахъ кончился непримѣтнымъ образомъ путь нашъ, и мы опять на Островѣ.

ЛАРНУЛЬ или ОТЧАЯНІЕ.

(Изъ Оссіана.)

По древнему преданію Ларнулъ былъ обвѣнчанъ съ Азалою, которая скоро по томъ влюбилась въ Аллара; но сей не одобрялъ ея страсти, за что и сдѣлался предметомъ ея ненависти. Дабы отмстить ему, она возбудила въ душѣ Ларнуля ревность и принудила его умертвить друга. Ларнуль послѣ сего умерщвленія, скоро самъ себя погубилъ. Пѣснь сія изображаетъ силу страсти и ужасное слѣдствіе отчаянія.

Катятся черныя надъ холмомъ облака,
И вѣтръ порывистый шумитъ въ дубравахъ темныхъ;
Тамъ съ дикихъ грозныхъ скалъ ревущая рѣка

Клубяся падаетъ въ мракъ пропастей под-
земныхъ.
А тамъ, въ разсѣлинахъ обросшей башни
мхомъ,
Уединенная сова уныло стонетъ.
Печальны ужасы въ тьмѣ носятся кругомъ,
И въ горестныхъ мечтахъ мой духъ уны-
лый тонетъ.
Летяща молнія поверхъ родныхъ холмовъ
Видѣнья грозныя въ туманѣ освѣщаетъ.
Я зрю Героевъ рядъ изъ сизыхъ облаковъ;
Сверкаютъ ихъ мечи, вѣтръ шлемы развѣ-
ваетъ.

О! какъ душа моя въ сей безотрадный часъ
Сходна съ природою въ унынье погруженной!
Услышьте тѣни, вы, Ларнуля скорбный гласъ!
И воплямъ жалобнымъ внемлите раздраженны!
Любезный юноша Силема, о Алларъ!
Онъ первымъ былъ моимъ въ сей жизни утѣ-
шеньемъ:
Печали, радости — сей общій смертныхъ даръ
Дѣлили вмѣстѣ мы съ единымъ восхищеньемъ.

Въ Газерѣ лукъ тугой учились напрягать,
И копіемъ владѣть. — Сразя враговъ Эрина,
Не разъ мечи свои стремились обагрять
Въ дымящейся крови жестокаго Лохлина.
Труды, опасности онъ раздѣлялъ со мной;
Съ нимъ въ Итро подняли вѣтрила корабельны;
Какъ вызвалъ Корло я на смертоносный бой,
Среди Сональскія долины безпредѣльной,
Но бывъ пронзенъ стрѣлой, на землю я упалъ;
Алларъ щитомъ своимъ покрылъ меня мгновенно;
Во взорахъ у него огнь мщенья запылалъ
И сопротивникъ палъ десной его сраженный.
Но защитивъ меня самъ тяжко раненъ былъ;
Кровь изъ груди его струилася рѣкою;
Несчастный спасъ меня — а я? — я заплатилъ
Ему за дружество злодѣйствомъ — смертью злою.

Почто велѣла мнѣ Аллара умертвить,

—•∞•—

Прекрасная, но ахъ, жестокая Азала?
Почто велѣла мнѣ убійцей друга быть?
Я отвергалъ твой вопль, сколь ты ни умо-
ляла,
И долго хитрому вѣщанью не внималъ.
Но увлеченъ, увы! я былъ слѣпой любовью,
Твой пагубный языкъ мнѣ чувства оковалъ,
Ядъ мщенія слился въ моихъ составахъ съ
кровью,
Потекъ — и юношу къ оружію подвигъ, —
На смертный вызвалъ бой. — Такъ я, небла-
годарный!
Забылъ и долгъ и честь въ сей страшный
мщенья мигъ.
Остановись, онъ рекъ, Ларнуль, Ларнуль ко-
варный!
Дерзну ли проливать кровь друга моего?
Дерзну ль сразиться я съ тобой на ратномъ
полѣ?
Коль жизни хощешь ты Аллара твоего,
То утоли свой мечь, Алларъ въ твоей здѣсь
волѣ. —

⁂

И въ мигъ сей обнаживъ невинну грудь, вѣщалъ:
Вотъ сердце, что къ тебѣ лишь дружествомъ пылаетъ!
Пронзи его; съ тѣхъ поръ какъ смерти возжелалъ
Аллара, жизнь его ужъ болѣ не плѣняетъ.

Горячая слеза исторглася изъ глазъ,
Забилась грудь моя; но огнь въ душѣ родился,
Когда воспомянулъ Азалы мстящій гласъ,
И мечь мой кровію Аллара обагрился.

На землю падая, онъ подалъ руку мнѣ,
Взоръ устремя, изрекъ: Ларнулъ, я умираю!
Воздвигни надо мной гробницу въ сей странѣ;
А я—за смерть свою тебѣ, мой другъ, прощаю!
Но отъ Азалы ты бѣги, забудь, не мсти:
Во взорахъ ядъ у ней; она для бѣдъ родилась.
И снова мнѣ сказавъ въ послѣдній разъ: прости!
Великая душа къ безсмертью преселилась.

Съ тѣнями праотцевъ бесѣдуешь Алларъ;
Они вокругъ тебя собравшись вопрошаютъ:
„Кто надъ тобой свершилъ губительный ударъ?"

51

Но я предстану самъ; да къ мукамъ осуждаютъ,
И окровавленный имъ покажу мой мечь.
Рука, которая тебя, Алларъ, сразила,
Должна въ отмщеніе злодѣя жизнь пресѣчь!
Пусть насъ соединитъ теперь одна могила!
Вѣщалъ и остру сталь онъ въ грудь себѣ вонзилъ,
И плавая въ крови, изрекъ: прости Ларнулю!
Съ сосѣдственной скалы крикъ врана слышанъ былъ;
Въ дубахъ свистящій вѣтръ гналъ съ моря страшну бурю;
Сверкала молнія; гремѣлъ ужасно громъ;
Природа самая казалось сострадала;
Но вдругъ безмолвіе простерлося кругомъ
И въ мракѣ скрытая равнина трепетала....

ОТСУТСТВІЕ
СѢВЕРНОЙ БОГИНИ. *)

Отъ чего Нева уныла
Томно плещетъ въ мрачный брегъ?
И мгновенно премѣнила
Прежній свой игривый бѣгъ? —
Отъ чего пловецъ печальный
Подъ мелькающимъ весломъ
Не струитъ потокъ кристальный
И ни пѣснью, ни рожкомъ
Тихо даль не оглашаетъ;
Но желѣзной цѣпью свой
Чолнъ ко брегу прикрѣпляетъ,
И къ огню спѣшитъ домой? —

*) Сочиненіе сіе читано было въ публичномъ собраніи Общества 23 Сентября истекшаго года, въ самый день отъѣзда ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивѣйшей Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ въ Москву.

Рыболовъ оцѣпенѣлый,
Кинувъ промыслъ и труды,
Вотъ влечетъ оледенѣлы
Сѣть и мрежи изъ воды.
И стрѣлокъ уже напрасно,
Притаяся подъ кустомъ,
Ждетъ добычи ежечасно:
Пусто сдѣлалось кругомъ,
Только вѣтра завыванье,
Водъ біющихъ въ брегъ крутой,
И густыхъ лѣсовъ стенанье
Слышитъ сумрачной порой.
Не блестятъ подъ ладъ серпами
Миловидныя жнецы,
И не машутъ въ рядъ косами
Бѣлокурые косцы.
Не мелькаетъ въ отдаленьи
Чуть примѣтный огонекъ:
Гдѣ въ часы отдохновенья
Поселянки, ставъ въ кружокъ,
Подъ свирѣль поютъ согласно;
Гдѣ сама любовь межъ нихъ

Улыбается всечасно,
Какъ на милыхъ чадъ своихъ;
Гдѣ, подпершися руками,
Въ руской пляскѣ красоты
Преклоняютъ чуть стопами
Ароматные цвѣты.

Отъ чегожъ Невы на лонѣ
Видѣнъ скорби мракъ густой?
Иль на ясномъ небосклонѣ
Солнца лучь померкъ златой?
Отъ чего?... Но вдругъ; мгновенно
Раздался на стогнахъ гласъ:
„Мѣстъ Богиня сихъ безцѣнна
Удаляется отъ насъ;
Увлекаетъ за собою
Все блаженство нашихъ дней
И прекрасною весною
Не плѣнимся мы безъ ней.
Разцвѣтутъ луга шелковы
Лишь Москвы на берегахъ,
Воды снимутъ тамъ оковы,
Запоютъ пѣвцы въ кустахъ....

Такъ на толь въ тебя природа
Страсть божественну влила,
Быть утѣхою народа,
И на свѣтъ произвела
Царства Сѣвера красою
Въ образецъ Богинь земныхъ?
Ты всѣхъ краше ихъ душою,
Ты какъ солнце между нихъ.

Иль усердье сокровенно
И любовь твоихъ дѣтей —
Ты по скромности смиренной
И по кротости своей
Должной жертвой не считаешь?
И творя добро, какъ Богъ,
Ты отъ насъ не ожидаешь
Благодарности въ залогъ?

Но прости сердецъ упреки:
Ихъ усердье извлекло;
Мы, Богиня, человѣки:
Сродно намъ добро и зло.
Сродно намъ и заблуждаться,

Мы забыли о другихъ,
Чтобъ однимъ намъ наслаждаться
Красотой добротъ твоихъ.

Древня Руская Столица
Пусть увидитъ образъ твой!
Пусть счастливая денница
Возсіяетъ надъ Москвой!
Понесись въ тотъ градъ священный
Ты Зефировъ на крылахъ,
Гдѣ вѣнецъ благословенный,
Всѣхъ Россіянъ при мольбахъ,
Въ первый разъ ты возложила
Милосердья на чело;
Гдѣ премудрость распустила
Надъ тобой свое крыло.

Тамъ воздвигни храмъ любови
Въ сердцѣ вѣрныхъ чадъ Москвы:
Братья намъ они по крови, —
Братія сынамъ Невы.
Жизни путь усыпь цвѣтами,
Тамъ возжги отрады лучь;

Да постигнутымъ бѣдами
Послѣ брани грозныхъ тучь,
Имъ взыграетъ солнце красно;
Водворится радость вновь
И Благаго узрятъ ясно
Къ нимъ божественну любовь.

Ты въ ихъ души свѣтъ небесной
Изъ своей излей души;
Благодатію чудесной
Слезы скорбныхъ осуши.
Въ низки хижины убоги
Ты надежду посели;
Не вноси ее въ чертоги,
Гдѣ счастливцы на земли.
Тамъ не нуженъ лучь отрады,
Гдѣ лучь золота блеститъ,
Гдѣ не знаютъ чувствъ награды,
Неизвѣстенъ бѣдствій видъ.
Водрузи хоругвь терпѣнья,
Гдѣ отчаянье живетъ,
Пусть низпавшій въ заблужденье
Подъ покровъ ея придетъ!

Научи ты суевѣровъ
Вѣрѣ истинной святой;
Устыди ты лицемѣровъ
Добродѣтелью — собой!

Но среди благихъ дѣяній
Вспомни также и о насъ;
И средь гимновъ, восклицаній,
Не забудь возврата часъ.
Возвратись — сиротъ отрада;
Возвратись — надежда вдовъ;
Возвратись — наукъ награда
Возвратись — въ бѣдахъ покровъ!
Возвратись — и всей природѣ
Возвратится видъ иной;
Оживутъ сердца въ народѣ
И воскреснетъ нашъ покой.

А. Н.....нъ.

КЪ РОДИНѢ.

Гдѣ вы протекшихъ дней златыхъ очарованья?
Гдѣ счастье прежнее? — Гдѣ сладкія мечтанья?
Куда промчались вы на быстрыхъ крыльяхъ лѣтъ?
Иль болѣ для меня надежды въ свѣтѣ нѣтъ,
И райскія любви изчезли наслажденья? —
Такъ, вы сокрылися; — и нѣтъ вамъ возвращенья!
Вашъ блескъ давно угасъ, какъ тихою порой
Послѣдній гаснетъ лучъ вечерній за горой.
Но, нѣтъ! пробудится вновь утрення денница;
Опять покажется вечерняя зарница,
А радости души — отрадный жизни свѣтъ

Померкнетъ навсегда и лучъ свой не возжетъ.
Ахъ! время то прошло, когда въ мѣстахъ родимыхъ,
Подъ кровомъ генія, отъ бурь и зла хранимыхъ,
Текли въ безпечности дни юности моей,
Гдѣ былъ я бѣдствій чуждъ, — гдѣ былъ я чуждъ страстей.
Златая колыбель невинности, забавы,
Гдѣ не искалъ твой сынъ ни почестей, ни славы!
Ты примешь ли меня подъ мирну сѣнь свою,
Когда я возвращусь разсѣять скорбь мою? —
Такъ; возвращусь къ тебѣ опять съ такимъ же чувствомъ,
Съ какимъ разстались мы; но, ахъ съ другимъ искусствомъ,
Искусствомъ знать людей, знать страсти ихъ, знать свѣтъ.
Блаженъ пловецъ морей, избѣгшій лютыхъ бѣдъ,
И мирной пристани достигшій вождѣлѣнно;

Но тотъ блаженнѣе, блаженнѣй несравненно,
Кто зрѣлъ безоблачну небесную лазурь,
Жилъ въ безъизвѣстности и не страшился
бурь,
Не отчуждаяся отъ родины любезной! .....
Къ чему мнѣ послужилъ сей опытъ безполез-
ной?
Что видѣлъ въ свѣтѣ я? — Могущество
страстей,
Несправедливость, зло, обманъ, вражду людей,
Примѣры гибельны невѣрности, измѣны.
Тамъ страждутъ слабые, отъ сильныхъ угнѣ-
тенны;
Оправданъ тамъ богачь, а бѣдный обвиненъ:
Талантъ въ забвеніи, невѣжда отличенъ.
Тамъ дружба нѣжная пріюта не находитъ;
Притворная пріязнь въ сѣть пагубы заводитъ,
Того, кто ввѣрится съ неопытностью ей.
Ни чѣмъ не усладилъ я тамъ души моей;
Ни что меня въ странахъ далекихъ не плѣняло;
Я всюду ужасъ зрѣлъ — и сердце замирало.
Когда воспоминалъ я прелесть юныхъ лѣтъ,

Какъ добродѣтельнымъ мнѣ представлялся
свѣтъ!
Гдѣ видѣлъ я еще союзъ любви священный,
Какъ не въ твоихъ поляхъ, о край благослобенный?
Когда весеннею порой въ прекрасный день
Два явора плели гостепріимну сѣнь,
Маня подъ свѣжій кровъ безпечность и отраду;
Гдѣ тихій ручеекъ журчалъ, неся прохладу,
И сладкой запахъ лилъ кустъ розы молодой,
И зябликъ пѣлъ любовь подругѣ дорогой; —
Тамъ юная чета, восторгомъ упоенна,
На мягкой муравѣ, отъ шума удаленна,
Подъ сладкимъ вѣяньемъ весеннихъ вѣтерковъ
Не зная ревности губительной оковъ,
Въ блаженствѣ истинномъ горя, изтаявала.
Тамъ — милое дитя среди цвѣтовъ играло,
Небесной страсти плодъ, ихъ нѣжности залогъ,
Малютка, рѣзвился какъ легкокрылый богъ.
Порхалъ вокругъ родныхъ, — за бабочкой
гонялся,

То къ травкѣ прилегалъ, то вдругъ стрѣлой пускался,
Или въ вертунью онъ, сердясь, бросалъ цвѣткомъ; —
Но вдругъ, соскучася летать за мотылькомъ,
Онъ съ жалобой къ своей родимой прибѣгаетъ.
Пусть тотъ, Поэзіи кто даромъ обладаетъ,
Пусть тотъ изобразитъ картину сей любви!
А тамъ, о зрѣлище! вѣкъ въ памяти живи:
Близь мирной хижины, соломою покрытой,
Развѣсистыхъ древесъ подъ сѣнистой защитой,
На персяхъ юноши, цвѣтущаго красой,
Покоился старикъ, почтенный сѣдиной,
Свидѣтель многихъ лѣтъ и многихъ поколѣній;
Невидимый надъ нимъ парилъ, казалось, Геній;
Эфирны крылія простеръ надъ старцемъ онъ,
И навѣвалъ ему тотъ безмятежный сонъ,
Который данъ въ удѣлъ невинности, смиренью,

И непорочности и почестей забвенью,
Улыбка милая, спокойный старца взоръ
Изображали въ немъ чувствъ тайный разговоръ.

Но чья возможетъ кисть явить сіи картины,
Сей свѣтлый сводъ небесъ, цвѣтущія долины,
И холмы и ручьи въ родимой сторонѣ?
Когда, когда судьба преклонится ко мнѣ,
И внявъ моимъ мольбамъ, зря слезы умиленья,
Переселитъ меня въ любезный край рожденья,
Гдѣ добродѣтель я повсюду находилъ,
И каждый гдѣ предметъ наставникомъ мнѣ былъ?
Поля отечески! лѣса уединенны,
Угрюмой древности рукою освященны,
Подъ чьею зеленью, при шепчущихъ струяхъ,
Покоится моихъ единокровныхъ прахъ!
Когда еще могу подъ тѣнію прохладной
Пѣвца весенняго услышать гласъ отрадной,
И мирною слезой то мѣсто оросить,
Гдѣ съ первымъ чувствомъ я Природу сталъ любить?

Когда въ часъ вечера при сумрачномъ мерцаньи
Я воскрешу въ душѣ моей воспоминаньи? —
Одно желаніе едина мысль моя
Увидѣть снова васъ, родимые края,
Остатокъ дней моихъ, печалью помраченныхъ,
Надеждой тщетною блаженства обольщенныхъ,
Спокойствомъ усладить, свободнѣе вздохнуть,
Забыть прошедшее — и мирнымъ сномъ уснуть!

7

ОДА ГОРАЦІЯ къ АВГУСТУ.

Divis orte bonis, optime Romulæ
Custos gentis.... etc. Lib. IV, carm. IV.

О ты, рожденный въ міръ безсмертными Богами,
Народа Римскаго несокрушимый щитъ,
О Августъ! ты давно, давно разстался съ нами;
Но скоро твой приходъ разлуку усладитъ.

Твой взоръ, какъ кроткая весна насъ оживляетъ
И возвращаетъ жизнь отчизнѣ дорогой;
Съ тобою — солнце насъ яснѣе озаряетъ;
Дни кажутся свѣтлей и радостней съ тобой.

Какъ сердцу матери любезный сынъ, единый
Среди Карпатскихъ волнъ, на крыліяхъ вѣтровъ

Несется въ даль морей чрезъ черныя пучины
И удаляется отъ отческихъ бреговъ;

Межъ тѣмъ, несчастная съ надеждою одною
Не сводитъ съ пристани осиротѣвшихъ глазъ,
Зоветъ его,—зоветъ съ растерзанной душою,
И жалобный къ Богамъ свой возсылаетъ гласъ:—

О Цезарь! такъ къ тебѣ Отечество взываетъ.
Смѣлѣе при тебѣ гуляетъ волъ въ лугахъ;
Церера—пахарей труды благословляетъ,
Обиліе и миръ цвѣтутъ въ твоихъ странахъ.

Пловцы безтрепетно моря переплываютъ:
Сама надежда ихъ страшится обмануть;
Пороки и развратъ семействъ не оскверняютъ;
Къ нечестью прегражденъ твоимъ закономъ путь.

Презрѣніе—въ удѣлъ невѣрности безчестной,
И казни грозный мечь всегда караетъ злыхъ.
А нѣжны матери съ улыбкою прелестной
Гордятся чадами—любви залогомъ ихъ!

Кто бросить безъ тебя на Скифовъ лютыхъ стрѣлы?
Парфянскіе мечи кто будетъ отражать?

Кто наши защитит отъ варваровъ предѣлы?
И кто Иберію заставитъ трепетать?

Скорѣе возвратись, герой непобѣдимый!
Въ твоемъ присутствіи спокойный селянинъ
Трудится на поляхъ, безпечностью хранимый,
Лелѣетъ виноградъ средь отческихъ равнинъ,

И лозу сочную онъ съ вязомъ сочетаетъ.
Окончивъ дневный трудъ семейный пиръ даетъ;
Гдѣ пѣнистымъ виномъ бокалы наполняетъ,
И объ одномъ тебѣ къ Богамъ молитвы шлетъ,

Чтобъ счастіе и миръ всегда сопровождали
Тебя, о мудрый Царь, любезный сынъ Небесъ!
Такъ древле доблестью безсмертіе стяжали
Межь Греками Касторъ и мощный Геркулесъ.

Да будетъ въ торжествѣ твой подвигъ прославляемъ,
Да процвѣтетъ на вѣкъ Гесперія тобой.
Такъ съ восхожденіемъ мы солнца повторяемъ
И въ часъ, — когда оно садится за горой.

Н.......

